

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМЫ ОРГАН В РУССКОЙ ПОЭЗИИ: «СВОЕ» И «ЧУЖОЕ»

Н. В. Патроева

Петрозаводский государственный университет,
Россия, 185910, Республика Карелия, Петрозаводск, просп. Ленина, 33

Поступила в редакцию 10.08.2025 г.

Принята к публикации 28.01.2026 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-4

Потенциально неисчерпаемый семантический потенциал слова во всем богатстве его узусных значений и индивидуально-авторских смыслов, который демонстрирует литературно-художественный дискурс, уже неоднократно становился предметом филологического анализа. Одним из таких поликодовых знаков с широкой семантической палитрой и интересной синтагматикой является слово *орган*. В статье представлен анализ прямых и переносных употреблений, образных трансформаций лексемы *орган* в русской словесности на протяжении около полутора веков ее развития: главным материалом, выбранным для лингвопоэтического анализа, являются фиксируемые в Национальном корпусе русского языка художественные контексты, содержащие лексему *орган* и относящиеся к периоду 1700-х годов – первых десятилетий XX века. Цель анализа – выявление тенденций образно-символического использования и индивидуально-авторского переосмысления слова *орган* поэтами сменявшихся постепенно друг друга разных литературных стилей (барокко, классицизма, сентиментализма, романтизма) в аспекте освоения заимствованного гречизма лирикой и русской культурой в целом.

Проведенный анализ позволяет прийти к следующим выводам: 1) в поэзии эпохи барокко, классицизма, сентиментализма и романтизма лексема *орган* редко используется в прямом значении 'музыкальный инструмент' (в основном в переводах, переложениях); в поэзии XX века, напротив, уже отчетливо преобладает использование слова в значении 'духовой клавишный инструмент', в том числе в составе сравнений, а также появляются олицетворяющие переносы («орган-человек»); 2) образно-символические смыслы (например, в случае возникновения метафорических переименований типа *орган души* или *орган сердца*) в поэзии приобретают особую активность в период Золотого века, когда тропеические контексты оказываются преобладающими и демонстрируют широчайшие синтагматические и функциональные возможности лексемы *орган*, обогащая словарную семантику разнообразными «приращениями» смысла и трансформируя узусную валентность; 3) частотность использования лексемы *орган* в русской поэзии достаточно тесно коррелируется с процессами освоения в России западноевропейской органной музыки, особенно активного в эпохи барокко, романтизма и Серебряного века; почерпнутые из Псалтыри смыслы, ставшие «своими» в православной традиции, в семииосфере русской культуры адаптируются и тесно переплетаются с «чужими», обусловленными топиками, свойственными западноевропейскому церковному и светскому обиходу.

Ключевые слова: индивидуально-авторская валентность слова, образ, окказиональная семантика, поэтическая синтагматика, символ, словарное значение, смысл, узусное словоупотребление

1. Введение

Индивидуально-авторские переносные смыслы являются результатом контекстуальной трансформации привычной семантики и сочетаемости, нарушающей стандартное, нормативное словоупотребление и потому сразу сосредоточивающей на себе максимум читательского внимания, создающей «эффект обманутого ожидания» (в терминах Р.О. Якобсона), — так метафоризация неминуемо обогащает как функционально-семантический, так и валентностный потенциал слова, особенно ярко и разнообразно раскрывающийся в лирическом дискурсе. И.И. Гарин по этому поводу отмечал: «Слова есть символы, приобретающие значение лишь в руках человека, — кирпичи для стройки. С их помощью мы не реставрируем — творим другой мир... Поэзия понятна не потому, что проста, а потому, что многозначна...» (1994, с. 461–462).

Окказиональный смысл, в процессе создания художественного образа обогащаемый добавочными «обертонами», «приращениями» (Ларин 1974, с. 34, 100), текучий, подвижный, приводящий к «остран(н)ению» изображаемого (см.: Шкловский 1919, с. 105), существует в неразрывном единстве не только с узуальной (зафиксированной в тезаурусах соответствующей эпохи языкового развития) семантикой слова, но и с изображаемым писателем и воссоздаваемым читателем «возможным» миром. Как замечает С.Т. Золян, «можно считать, что значением текста является приписываемая тексту реальность, которую он якобы отражает (актуальный или возможный мир), а смыслом — определяемые структурой текста правила соотнесения языковых выражений текста с этой реальностью (поэтический мир). <...>...смысл предполагает свое разрешение в значениях» (Золян 2014, с. 17–18). Фиксируемое словарями данного языка в ту или иную эпоху культурного развития значение его единиц (морфем, лексем, предложений), используемых при построении высказывания, связано не только с той вещью или ситуацией осмысливаемой писателем действительности, но и с образом формирующегося в его сознании «возможного» мира, кодируемого с помощью выбранных из языкового тезауруса и дополнительных к нему окказиональных средств.

Семантический тезаурус автора и читателя, динамика частотности и сам набор ключевых слов-доминант художественного дискурса, разумеется, тесно связаны с изменениями в социокультурной сфере, взаимодействием в ней «своего» и «чужого», уходом одних явлений и освоением других, новых. Кроме того, следует оценивать своеобразие авторского словоупотребления на фоне общепоэтической нормы того или иного периода в развитии поэтического искусства, характерной для соответствующего литературного метода, направления, школы.

В процессе тропообразования, как и в пейзажных зарисовках, лирических экспозициях, обычно участвуют конкретные имена существи-

тельные: предметное ядро позволяет поэту нагляднее, живописнее воплотить суть волнующих его явлений философского-психологического плана. Целью данной работы стало представление истории функционирования, особенностей синтагматики и семантических возможностей лексемы *orgán* в русском лирическом дискурсе XVIII – начала XX века.

С учетом ранее сказанного об обусловленности образных «приращений» слова рядом объективных и субъективных интра- и экстралингвистических факторов представляется интересным выяснение направлений и частотности поэтических трансформаций заимствованного музыкального термина и их индивидуально-авторского характера в аспектах: 1) соответствия словарной норме языка; 2) общепозитической нормы эпохи; 3) корреляции с процессами освоения органной культуры в России. Данные направления исследования требуют применения разнообразных методологических подходов и приемов анализа: лексикографический (изучение динамики представленных в словарных источниках толкований выбранной лексемы), количественный и корпусный (анализ данных, полученных с опорой на «Национальный корпус русского языка», в дальнейшем – НКРЯ), функционально-семантический и герменевтический (в процессе интерпретации значений и контекстного окружения выбранного слова), сравнительный (при сопоставлении в процессе поиска семантико-синтагматической динамики слова употреблений, связанных с разными литературными методами и течениями).

2. Лексема *orgán* в НКРЯ и словарях

Активность использования имени существительного *orgán* (рис. 1), по данным основного корпуса НКРЯ, растет постепенно, с редкими «всплесками» употребительности начиная с последних десятилетий XVIII столетия и далее к настоящему времени (отметим, что приведенный ниже график отражает «неснятую» омографию лемм¹ в первичных значениях 'часть организма' и 'духовой клавишный инструмент'²): используются омографы в 50768 случаях, которые зафиксированы в 12996 текстах (IPM 130,35). Первое употребление лексемы, обозначающей музыкальный инструмент, относится к 1700-м годам³:

¹ Опираясь на данные словарей (напр., (Вейсман 1782)), П. Я. Черных высказывает предположение, что в первое время в русском языке *орган* и *орган* не отличались по месту ударения – оба произносились с акцентом на втором слоге. Различные омографы впервые, вероятно, фиксирует только «Словарь Академии Российской» (Черных, 1999, с. 602). Ср. также: (Словарь Академии Российской 1793, с. 638; Вейсман 1782, с. 558).

² Марина Цветаева прибегает к каламбурному обыгрыванию омографов, подтверждая особую роль омонимии в создании художественного образа: *Сердце: скорее orgán, чем óрган* (см. пример в (Павлович 2007а, с. 272)).

³ Поиск леммы *орган* в историческом подкорпусе НКРЯ результатов не дал.

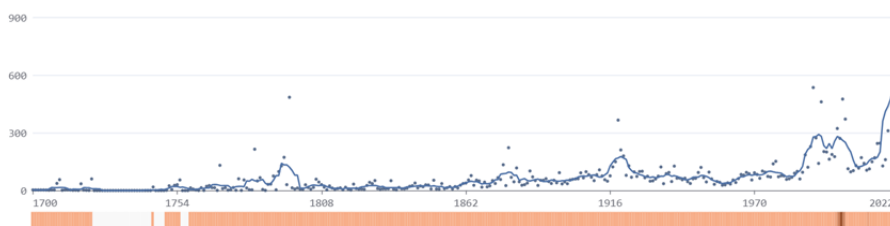

Рис. 1. Лексема *орган* в русской литературе, научных текстах и публицистике (по данным основного корпуса НКРЯ)

В поэзии использование лексемы *орган* начинается примерно тремя десятилетиями позднее (рис. 2), согласно поэтическому подкорпусу НКРЯ, фиксирующему между 1750-ми годами и началом XXI века 427 примеров в 361 тексте (IPM 30,29, что более чем в четыре раза ниже, чем в основном корпусе, содержащем в том числе и научные тексты с омографом *орган*). Максимумы волнообразной употребительности падают на вторую половину XVIII века, 1830–1840-е годы, эпоху модернизма, рубеж XX и XXI столетий (на такое увеличение частотности в последний период, несомненно, оказало влияние возрастание употребительности в лирике омографа в значениях ‘часть организма’, ‘периодическое издание’ и ‘учреждение’).

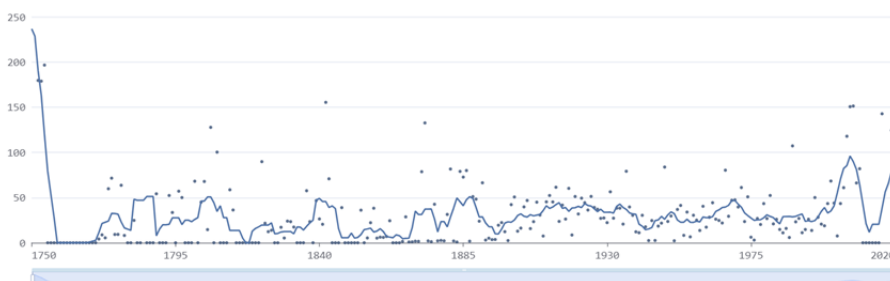

Рис. 2. Лексема *орган* в русской лирике (по данным поэтического корпуса НКРЯ)

Для выявления вклада русских поэтов в расширение семантического ореола и валентностных возможностей слова *орган* необходимо сопоставить его контекстуальные смыслы с имеющимися в нашем распоряжении словарными дефинициями. Так, в словарях XVI – начала XVIII века анализируемая лексема, еще без комментария к значениям, отражается по крайней мере в трех орфографических вариантах *органъ* (Поликарпов 1704, л. 212), *арганъ* (Ковтун 1975, с. 266) и *органъ* (Славинецкий 1973, с. 294) как аналогов латинского *organum*, имевшего два значения: 1) орудие, инструмент; 2) музыкальный инструмент (Дворецкий 1976, с. 711). В латынь лексема попала из древнегреческого, в котором *ὄργανον* означал ‘орудие, средство, прибор’, ‘музыкальный инструмент’ (например, у Платона), ‘орган тела’, ‘материал’, ‘произведение’ (Дворецкий 1958, с. 1187).

Если сравнить данные словарей церковнославянского языка и исторических словарей русского языка, то выявляется заметная динамика в семантической структуре лексемы *орган* на протяжении ряда столетий, а также процесс постепенного расхождения двух омонимов, происшедших из древнегреческого и латинского источников.

Так, словари, опирающиеся на старославянские источники, указывают для вокабулы *оръганъ* только два значения — прямое ‘орудие, инструмент’ и синекдохическое ‘музыкальный инструмент’ (Словарь старославянского языка 2006; Цейтлин и др. 1994, с. 415), демонстрирующее свойственный древнегреческому и латыни перенос с рода на вид предметов.

«Словарь Академии Российской» закрепляет за одним из двух омонимов *органъ*⁴ только значение ‘музыкальное духовое орудие’ (Словарь Академии Российской 1793, Стб. 638).

Фиксацию метафорического значения впервые, вероятно, совершает И. И. Срезневский: в качестве переносного употребления приводится минейный контекст «богодухновенный орган» (об Иоанне Златоусте), ассоциирующий Святой Дух и глас Божий со звучанием духового инструмента (Срезневский 1902, стб. 704–705).

Данные академических исторических словарей русского языка подтверждают образование омонимов с вариативным еще ударением ко времени Петровских реформ; уже в XI веке зафиксированы образно-переносные словоупотребления «богодъхновенныи оръганъ», с XV века — «бездушнымъ арганомъ», «орган словесный»⁵ (Словарь русского языка XI–XVII вв. 1987, с. 62–63; Словарь русского языка XVIII века 2007, с. 67–68).

Итак, результатом расхождения лексико-семантических вариантов изначально многозначного заимствования стало образование двух омографов, а также процессы первоначального расширения семантики с последующим сужением узуального номинативного потенциала одного из них до рамок обозначения музыкального термина (см.: Словарь русского языка XVIII века 2007, с. 67–68; Словарь церковно-славянского и русского языка 1847, с. 77).

3. Лексема *оргán* в поэзии XVIII века

Под пером автора смысл сначала рождается в неповторимом и субъективно окрашенном контексте, связанном с писательской версией микро- и макрокосма (даже если иметь в виду формы намеренного

⁴ В этом издании омографы *орган* и *оргán* возглавляют уже разные статьи.

⁵ Ср. с приведенным в НКРЯ позднейшим употреблением: «...колыми паче пастырю непристойно воспевать, посреде церкви, Божие слово, когда **орган языка** его несогласен с гуслиями души его добродетелей» [«Слово о пользе благочестия» архиепископа Платона (Левшина). 1763] (здесь и далее в цитатах выделено мною. — Н.П.). Здесь и далее цитаты из художественных текстов, если нет иных пояснений, даны по основному и поэтическому подкорпусам Национальному корпусу русского языка (URL: <https://ruscorpora.ru>) — как правило, с указанием автора и произведения в квадратных скобках.

скрытного цитирования, аллюзии и реминисценции, традиционно-поэтические формулы, все равно волей автора и в соответствии с его творческим замыслом включаемые в произведение), затем реконструируется по-своему каждым читателем «окружении», интерпретируется уже в соответствии с мировосприятием адресата в процессе декодирования текста, поэтому невозможно свести поэтический тезаурус лексемы к словарю данного языка: «...Восприятие живой, образной речи побуждает нас к творчеству... и поэтический образ досоздается — каждым; образная речь плодит образы; каждый человек становится немного художником, слыша живое слово» (Белый 1994, с. 133). Предлагая формулу образа, А.А. Потебня не случайно противопоставлял образ-троп, с одной стороны, и значение — с другой, именно с точки зрения сознания адресата, создавая свою *активную*, а не пассивную *поэтику* (если прибегать к терминологической аналогии с пассивной грамматикой субъекта и активной грамматикой слушателя): «X (значение поэтического образа) заметно изменяется при каждом новом восприятии A (образа) одним и тем же лицом, а тем более — другим; между тем A (образ), единственное объективно данное в поэтическом произведении, при восприятии остается приблизительно неизменным. Поэтому, в противоположность отношению закона и факта, в поэзии образ неподвижен, значение изменчиво... а в ряду случаев безгранично» (2003, с. 166). Интересные примеры «приращения» смысла, более или менее далеко выходящие за рамки узуальной нормы, дают не только жанр проповеди, «слова» и «речи» послепетровского периода, но и поэзия XVIII столетия.

По данным НКРЯ, первым употребил в русском поэтическом дискурсе слово *орган* В.К. Тредиаковский в эпистоле I из «Феоптии» (1750—1754):

Как не зрим **органа** мы сладостно гудуща,
Иль за завесом, или в темном храме суща,
Можно ль нам подумать, что **орган** собой поет
И с тремя гласами в сходстве звон осмый дает,
А что то не человек, и еще искусный,
Кой глас то веселый в слух, то влагает грустный?..
Тотчас заключает всяк, что то совершенный
Механист и музыкант, кой толь украшенный
Тот **орган** соделал, прежде вымыслив умом,
А искусством в дело произвед уже потом. <...>

Тредиаковский в созданной как вольное переложение Фенелонова «Трактата о существовании и атрибутах Бога» (1713) поэме отражает реалии не только западноевропейской церковной и светской культуры⁶, но и начавшегося в России при Петре I активного освоения орган-

⁶ В эпистоле IV находим уже использование омонима в рассуждении о великолепии сотворенных создателем человеческих «составов»: «Мнится, что довольно мудрость вышню изъяснить, / Смыслящего ж можно пребезмерно удивить, / Ежели, коль ни слегка, внутренних составов / наших токмо ряд сказать, чин и

ного строительства, исполнения и введения новых музыкальных форм в придворный и царских приближенных бытовой обиход⁷. Не случайно в произведениях активных сторонников Петровских реформ, в том числе В. К. Тредиаковского, «органные» мотивы включаются в художественные и риторические произведения⁸.

Так как заимствованная на славянской почве⁹ лексема *орган* первоначально могла обозначать любой музыкальный инструмент, вполне объяснимо употребление слова *орган* в качестве аналога *лиры* в переводе первой Горациевой оды¹⁰ М. Н. Муравьевым (1775): *Орган настроит Полигимния...*¹¹

их уставов; / Человека гласа всеприятный сей **орган**, / Кой на разность звонов и на красоту нам дан, / Музикийских лир и труб роды превышает, / Следует ему из сих всяк, да возглашает».

⁷ Историки органной музыки отмечают, что орган, никогда не использовавшийся в православном богослужении, проник в Россию из Византии еще во времена киевских князей и звучал на пиришествах и иных увеселениях. Существуют свидетельства приглашения органистов для светских развлечений ко двору великих князей и царей Московской Руси в XVI–XVII веках. При Петре Великом орган, хотя и перестал включаться в придворное музицирование, все чаще становился домашним инструментом московских и петербургских вельмож, а также распространялся в протестантских кирхах и католических костелах, строившихся со времен петровских преобразований для прибывавших на службу иностранцев (см. подробнее: Ройзман 1979), однако роль органа «в общей музыкальной культуре страны оставалась скромной до конца XIX века» (Лепнурм 1999, с. 73).

⁸ Между тем слово *орган* у М. В. Ломоносова, по крайней мере по данным НКРЯ, представлено только в его естественно-научных трудах. В насыщенной естественно-научной и философской терминологией «научной» поэзии П. А. Словоцова, продолжателя ломоносовской традиции, лексема, использованная в значении ‘часть тела, организма’, получает ударение на втором слоге (стихотворение «Материя» 1796 г.): «Вся разность жизни в разности Движенья, / А в протчем все равно растут как гриб; / Агаты, литофиты, прозябенья, / Полип, орангутанг и караиб / Равно живут и переходят в росты, / Имеют пищу, силу, плод, наросты / И, может статься, чувственный **орган**; / Кто испытал, не дышит ли тюльпан?»

⁹ По предположению М. Фасмера, древнерусское *органъ* происходит, «весьма вероятно», из греческого (2004, с. 149). П. Я. Черных утверждает, что в русский язык слово заимствуется из греческого, в западноевропейские – из латинского (1999, с. 603).

¹⁰ В оригинале оды Горация фигурирует настраиваемая Полигимнией Лесбоская лира как символ поэтического искусства: “Me gelidum nemus Nympharumque leves cum Satyris chori Secernunt populo, si neque tibias Euterpe cohibet nec Polyhymnia Lesboum refugit tendere barbiton. Quodsi me lyricis vatibus inseres, Sublimi feriam sidera vertice” (Гораций Флакк 1947, с. 15).

¹¹ Орган и лира оказываются тесно ассоциативно связаны как символы музыкального и поэтического мастерства также в написанном двадцатью годами позднее стихотворении сентименталиста И. И. Дмитриева, посвященном впечатлениям от концерта приглашенного в Россию немецкого композитора и органиста И. В. Гесслера: «О Геслер! где ты взял волшебное искусство?.. / О непопстижность! что со мной?.. / Стой, Геслер, стой!.. / Лишаюсь сил, изнемогаю... / И **лиру** пред тобой бросаю» [Дмитриев И. И. Стихи на игру господина Геслера, славного органиста. 1795].

Между тем и в приведенном выше отрывке из «Феоптии» В. К. Тредиаковского, и в описании из «Письма ко приятелю в Москву» А. П. Сумарокова (1774) имеющегося в доме одного из петербуржцев домашнего оркестра и хора, очевидно, имеется в виду позднейшее, более узкое, терминологическое значение 'духовой клавишный инструмент', который широко использовался в католической и протестантской литургии:

Другая тут поет при струнах и **органе**,
И для того
На сем дворе его
Все слышат восклицанье хора...

Заметим при этом, что история лексемы *orgán* в русской поэзии началась гораздо ранее, чем в середине XVIII столетия (если иметь в виду приведенные НКРЯ примеры эпистол «Феоптии» Тредиаковского): по крайней мере с посвященной Полтавской баталии «победной песни» Феофана Прокоповича «Епиникион...» (1709)¹²:

Аще когда наипаче ныне нам желати
Достоит многих устен, ибо ниже **златый**
Орган рифмотворческий воспети довлеет
Нашей ныне радости, ниже что успеет
Ветийских устен слово... (Прокопович 1961, с. 209).

Приведенный контекст свидетельствует об использовании слова в переносно-метафорическом значении для создания аллегорического образа поэзии (как «ветийских устен слово» является замещением понятия «риторика»), яркость которого усиливается обрамлением метафоризируемого слова эпитетами *златый* и *рифмотворческий*¹³.

Реформатор церкви и языка во времена Петровских преобразований, ритор и поэт Феофан Прокопович был наставником молодого Тредиаковского, поэтому лексема *орган* могла быть навеяна автору «Феоптии» и хорошо известными ему строками «Епиникиона...». С другой стороны, свою философскую поэму Тредиаковский создавал и завершил в 1754 году параллельно с поэтическим переложением Псалтири, в тексте которой находим упоминания и об арфе и органе¹⁴.

¹² Стихотворные произведения Феофана Прокоповича в НКРЯ, к сожалению, на данный момент не включены.

¹³ В «словах» Феофана находим примеры как прямые (при этом включенные в сравнение), так и косвенные (метафорические) смыслы лексемы *орган*: «Якоже бо одним пером неравно пишет ученый и неученый писец, одним **органом** неравно слух веселит искусный и неискусный музык, одним серпом неравно нажинает сильный и немощный жатель, так и одно оружие неравно в разных руках действует» [«Слово о состоявшемся между империею Российскою и короною Шведскою мире». 1722]; «Слышим же еще тогожде **духа органы** согласныя» [«Слово о власти и чести царской...». 1718].

¹⁴ Разумеется, в синодальном переводе псалмов царя Давида на старославянский имелся в виду музыкальный инструмент вообще, так как иное толкование было бы чуждо православной церковной культуре: *Его с тимпаном и ликами*,

Создававшиеся еще в древнерусский период толкователи Псалтири (словари-«приточки», в терминах Л. С. Ковтун (1963, с. 155–215) содержали комментарии к образно-аллегорическому смыслу ветхозаветных песнопений, в том числе и к слову *orgán*, ассоциировавшемуся, согласно «приточникам» и их более поздним аналогам, с «думой благой» (см. публикации рукописных «приточников» в работе: (Там же, с. 186, 406, 432 и др.)) или с «думой доброй к Богу», как это передает инок Прохор Коломнягин в «Толковании о Псалтырных словесех» (Савельева 2023, с. 300). Таким образом, лексема *organ* к начальному периоду в развитии российской поэзии была уже вполне освоена в «славеноросском» культурно-языковом тезаурусе: предшествующая история бытования лексемы *ор(ъ)ганъ* в средневековых церковнославянских источниках (например, летописях и минеях) оставила авторам Нового времени «память» о метафорических переосмыслениях узусных смыслов, поэтому наряду с прямым употреблением (как, например, у А. И. Богданова в «Описании Санктпетербурга» (1751): «Кирка Лютерскаго исповедания, на Адмиралтейской стороне, на Большой Прешпективной; построена каменная, изряднаго построения, в которой имется преизрядныя **органы**», — и у Д. И. Фонвизина в «Письмах родным» (1784–1785): «...поутру ходил я по церквам смотреть прекрасных картин; в соборной видел и слышал я **орган** первый в свете»), находим среди первых примеров использования в жанре проповеди и переносные аллюзийные, например: «Что? естлиб в нынешнее время встал Златоуст: не возгремел ли бы он тем языком, которым развратников своего времени приводил в страх и раскаяние?.. Он получив талант просвещения и сладкоглаголиваго языка, не скрыл их в земле нерадения, но несказанным трудом себя отягощал, проповедуя почти ежедневно слово Божие... И потому почитаем был яко **богодухновенный орган** вся... церкви» [«Слово в день Святаго Иоанна Златоустаго» архиепископа Платона (Левшина). 1775]. Руководства по риторике, поэтике и гомилетике предполагали украшение панегириков и проповедей «цветами» красноречия, поэтому несомненно, что почву для расширения тропеического использования лексемы *orgán* в новой (светской) словесности создавала традиция церковного слова: «...согласи **орган** твоих **чувств** с духовною цевницею внутренняго благоучреждения» [«Слово в день Святыя Пасхи» архиепископа Платона (Левшина). 1777]; «...возьми **орган добродетелей**; и **гусли любезнаго поведения**...» [«Поздравительныя речи Ея Императорскому Величеству и Его Императорскому Высочеству» архиепископа Платона (Левшина). 1763–1776]; ср. более позд-

хвалите Его на струнах и органе (Пс. 150:4); *Руки мои сделали орган, персты мои настраивали псалтирь* (Пс. 151:2). Ср. также Синодальный перевод второй строки псалма 136 *На вербах, посреди его [Сиона], повесили мы наши арфы* и перевод Псалтыри на русский язык, выполненный русским православным библиистом и богословом П. А. Юнгеровым: *На вербахъ среди его мы повѣсили органы наши* (Юнгеров 1915, с. 205–206) с примечанием автора: «Гр. Ὀργανα — всякій музыкальный инструментъ» (Там же, с. 206).

ним образом уже у Н. М. Карамзина: «Что может быть прелестнее гармонии человеческих голосов? Это непосредственный **орган божественной души!**» [Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. 1793].

Первые после Феофана Прокоповича метафорические контексты в поэзии появляются у М. М. Хераскова, Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина:

Тогда господнее изрек определенье
Орган небесных тайн в священном исступленьи,
Трепещущ, духом полн, служащий алтарю,
Душ пастырь возвестил пророчества царю...
[М. М. Херасков. Россияда. 1771 – 1779]

Ему единому вы строите
Органы сердца своего.
[Г. Р. Державин. Уповающему на свою силу. 1785]

А вы, для коих всё творение ликует, —
Вы сердце и глава всего, всего язык!
Вам должно увенчать сей важный гимн Природы!
В обширных городах толпящийся народ!
Соедини свой глас с **глубоким** сим **органом**...
В усердии все вдруг возвысьте вы его, —
Возвысьте все свой глас к превыспреннему небу!
[Н. М. Карамзин. Гимн. 1789]

Направления переноса лексемы *орган* связаны у авторов первых метафорических трансформаций¹⁵ с разными исходными ее узуальными значениями и их контаминацией: *орган небесных тайн* у Хераскова ассоциативно связан, кажется, не только с прямым значением ‘орудие, инструмент’ (с помощью которого изрекаются истины, последние тайны мира, пророчества), но и с толкованием ‘глас’ (Божий); державинский *орган сердца* как сердечный призыв, отклик души и карамзинский *глубокий орган* как голос природы¹⁶, зов бытия могут быть мотивированы в качестве метафор с направлением переноса ‘музыкальный инструмент’ → ‘голос кого- или чего-либо’. *Орган сердца*, кроме того, каламбурно соединяет два значения грецизма, ставших основой для развития омонимии на русской почве.

¹⁵ В словарях языка русской поэзии, содержащих образные парадигмы XVIII века, тропеический потенциал лексемы *орган*, представленный в произведениях эпохи барокко, классицизма и сентиментализма, отражается ограниченно: так, в словаре (Афанасьева 2022) приведенные выше контексты из Г. Р. Державина и Н. М. Карамзина включены в рубрики, не связанные с образными трансформациями самого слова *орган* (Там же, с. 288, 377, 384, 389, 392 – 394, 400, 403); в работе Н. В. Павлович «органные мотивы» XVIII века иллюстрируются державинскими образами (2007а, с. 264; 2007б, с. 747).

¹⁶ Сам Н. М. Карамзин дает пояснение эпитету в сноске: «Кто знает музыку, тому не странно покажется выражение *глубокий орган*, т. е. орган, издающий глубокие тоны» (Карамзин 1966, с. 73).

Итак, поэтическое переосмысление анализируемой лексемы в эпоху русского барокко, классицизма и сентиментализма мира уже создает, как мы видим, достаточно сложную, многослойную систему референциальной отнесенности и множественную каузацию «возможной» реальности.

4. Лексема *орган* в поэзии первой половины XIX столетия

Прямое словоупотребление омографа в значении 'музыкальный инструмент' в русской лирике Золотого века успешно конкурирует по частотности с тропеическим¹⁷, но встречается, как правило, в переводах либо при передаче впечатлений от путешествия по Западной Европе: *Органа мех чудесный* [В. А. Жуковский. Пиршество Александра, или Сила гармонии (перевод стихотворения Джона Драйдена). 1812]; *Органа торжественный гром* [В. А. Жуковский. Покаяние (перевод стихотворения В. Скотта). 1831]; *звучным органом* [В. А. Жуковский. Сельское кладбище (перевод стихотворения Т. Грея). 1839]; *орган в старинной церкви нашей...* [А. С. Пушкин. Моцарт и Сальери. 1830]; *Звучит во тьме орган...* [А. А. Фет. Notturmo. 1842]; *Пошел я в церковь dell'Annunziata, Опять орган играл.* [Н. П. Огарев. «Два дня я не видал моей статуи...» 1842]; *Монахи пели, и гремел орган...* [Н. П. Огарев. «Вчера я в церковь dell'Annunziata...» 1842]; *Божественный орган звучит...* [А. Н. Майков. Сен-Дени. 1843].

Поэты первой трети XIX века продолжают расширение синтагматического и функционально-семантического тезауруса лексемы *орган* на фоне нового (после эпохи барокко) роста интереса к органной музыке в России: не случайно сочинителями произведений для органа были, например, писатель-«любомудр» В. Ф. Одоевский и близкий пушкинскому кругу композитор М. И. Глинка¹⁸.

Так, образ органа появляется, например, в навеянных Псалтырью строках А. С. Грибоедова о царе Давиде и «оживляет», ассоциирует архаические значения 'музыкальный инструмент вообще' и 'благая дума, обращенная к Богу':

...внезапно богу сил
Орган мои создали руки,
 Псалтырь устроили персты.

[А. С. Грибоедов. Давид. 1823]

¹⁷ Впрочем, уже и в поэзии Г. Р. Державина чаще представлены примеры прямого употребления лексемы в значении 'музыкальный инструмент': «Или музыкой и певцами, / **Органом** и волынкой вдруг, / Или кулачными бойцами / И пляской весело мой дух... («Фелица», 1782); «Гремит **орган** на стогне трубный, / Пронзает ночь и тишину; / Очаровательный огонь чудный / Малюет на стене луну» («Фонарь», 1804).

¹⁸ См. подробнее, например, в работе (Будкеев 2008).

То же «воскрешение» внутренней формы слова наблюдаем у А. Ф. Мерзлякова и В. Г. Теплякова, прибегающих к переносному употреблению анализируемой лексемы, известному псалмам («боговдохновенный орган» как глас Божий), с целью метафоризации языка, духа, познания бытия:

Язык — жизнь — труд умов, — повсемственный, всевластный

Орган жиждительных, всеправящих **небес!**

[А. Ф. Мерзляков. Труд. 1825]

В мирах надсолнечных пускай мой жадный слух

Органам ангелов, восторженный, внимает...

[В. Г. Тепляков. Одиночество. 1832]

«Пограничную» ситуацию с точки зрения семантической трансформации представляет собой сравнение, сопологающее прямое словоупотребление в качестве образа и параллельно в контексте подаваемый в новом ракурсе предмет. Например, В. А. Жуковский в переводе одной из басен Лафонтена использует сравнение в позиции предиката для передачи идеи полной зависимости людей от высшей и монаршей воли¹⁹. Здесь перед нами редкий пример использования лексемы орган в «низком» жанре басни:

Ты скажешь, что во всех единый дух вселен;

Не люди, сущие органы:

Завел — поют, забыл завести — молчат.

[В. А. Жуковский. Похороны львицы. 1806]

У В. Г. Теплякова также находим сравнение с участием лексемы *орган*, но в более типичной для этого тропа форме союзного оборота²⁰:

Вы слышите ль: полночь на башне седой,

Как дальний орган, завывает!..

[В. Г. Тепляков. Чудный дом. 1831]

В этом примере образная трансформация затрагивает сферу природных явлений (полуночный ветер).

По крайней мере, к повторяющимся уже в романтической лирике и потому претендующим на формульность относится метафора *орган души*:

...песнь твоя — **орган души** твоей небесной...

[А. Ф. Мерзляков. К неизвестной певице, которой приятный голос часто слышу, но которой никогда не видел в лицо. 1808]

¹⁹ В оригинале образ органа отсутствует. См.: (La Fontaine 1693).

²⁰ Первое использование лексемы *орган* в сравнительном обороте фиксируется у Г. Р. Державина: «Как умолкающий **орган**, / Как луч последний солнца ясна / Блистает, тонет в океан: / Подобно в неизмерны бездны, / От мира тленного спеша, / Летит сквозь мириады звездны / Блаженная твоя душа» («Урна», 1797).

...можно ли забыть
Сей взор приятный, ясной,
Орган души прекрасной...

[В. А. Жуковский. К Ив. Ив. Дмитриеву. 1813]

В тяготеющих к высокому регистру панегирика, духовной или философской оды стихотворениях Ф. Н. Глинки, С. П. Шевырева и Л. А. Якубовича, «думе» К. Ф. Рылеева с органом сравнивается назначение и дар поэта:

Замолкли **вещие органы**...
Немей, **орган наш голосистый**,
Как занемел наш в рабстве дух!
Увы, неволи дни суровы
Органам жизни не дают:
Рабы, влачащие оковы,
Высоких песней не поют!

[Ф. Н. Глинка. «Когда, влекомы в плен, мы стали...» 1822]

Мои все жилы были струны,
Я сам — **хваления орган**.

[С. П. Шевырев. Мудрость. 1828]

Поэт — наследник библейских пророков — призван изрекать великую истину и будить толпу своим пением, подобно Божьему гласу, «органу небес»:

Он долг певца постиг вполне,
Он свить горел венков нетленной,
И был в родной своей стране
Органом истины священной.

[К. Ф. Рылеев. Державин. 1822]

Орган небес, пророк избранный,
Тебе ли нужны похвалы?

[Л. А. Якубович. Поэту. 1829]

... певец — **орган** страдательный,
Бога вышнего **орган!**

[Л. А. Якубович. Предназначение. 1836]

Традиция уподобления поэта и органа будет продолжена в позднейших стихотворениях, посвященных памяти А. С. Пушкина, — сошлемся здесь на материал словаря образных средств (Иванова, Иванова 2004), в котором содержатся тропеические контексты с «органными» мотивами из произведений писателей середины XIX — начала XX века: написанные в 1830-е годы об А. С. Пушкине строки В. Г. Бенедиктова (*орган России*), С. П. Шевырева (*орган русских дум на все лады*) и Ф. И. Тютчева (*богов орган живой*) (Там же, с. 314), в которых поэт уподобляется органу вполне в русле древнерусских традиций.

Интересны не тропеические, но символические уже по своей сути, а потому опережающие эпоху романтизма контексты из цикла Е. А. Баратынского «Сумерки», где слово *орган*, используемое в прямом значении, выступает символом музыкального искусства, воплощающего эмоциональное начало:

Резец, **орган**, кисть! счастлив кто влеком
К ним чувственным, за грань их не ступая!
[Е. А. Баратынский. «Всё мысль, да мысль! Художник бедный слова!..»
1839 – 1840]

Уже в античную и классицистическую эпохи (вспомним, например, приведенные ранее строки из Горация в переводе Мерзлякова) лира выступала аллегорией поэтического дара, отсюда понятно, почему не этот музыкальный инструмент использован в качестве атрибута музыкального творчества. И все же инструмент, созданный в Древней Греции в виде машин «гидравлос» и «пневматикон» (см.: Лепнурм 1999, с. 8), прекрасно вписывался в образную систему проникнутой античными и христианскими мотивами книги стихов «Сумерки». Думается, делая свой выбор, Баратынский намекал своему читателю и на тяжелую судьбу человека искусства, каковым был, например, великий создатель органных произведений – ослепший Иоганн Себастьян Бах (заметим также, что в «Сумерки» входит ассоциативно связанное с «Все мысль, да мысль! Художник бедный слова!..» стихотворение, начинающееся строками, отсылающими нас к образу не только Баха, но и Гомера: «Что за звуки? Мимоходом Ты поешь перед народом, Старец нищий и слепой!..»). Кроме того, образ органа воскрешает и псалтырный контекст «дума благая», создающий аллюзийную связь с зачином стихотворения «Все мысль да мысль!..»

5. Лексема *оргáн* в поэзии второй половины XIX – начала XX столетия

В русской лирике со второй половины XIX и на протяжении XX века частотность прямономинативного использования слова *орган* резко возрастает²¹ и, напротив, резко снижается активность метафорических переносов, в основе которых лежит ассоциация между звуками музыки и природными голосами (правда, это отчасти компенсируется участием образа органа в структуре сравнения²²).

²¹ См., например: *Под орган душа тоскует, / Плачет и поет* [И. А. Бунин. «Под орган душа тоскует...» 1889].

²² Например: *Стройный хор то смолкал, то гремел, как орган...* [С. Я. Надсон. «Стройный хор то смолкал, то гремел, как орган...» 1881]; *... днем и ночью Океана / В глубокой бездне слышен вздох, / Подобный музыке органа.* [Д. С. Мережковский. *Addio, Napoli.* 1891].

Все чаще «органные» ассоциации порождаются не сакральными сущностями (за редкими исключениями в поэзии Серебряного века: *Спускается орган, Святого Духа крепость...* [О.Э. Мандельштам. «В хрустальном омуте какая крутизна!..» 1919]; *И в рыдании органа — Тот же голос неземной.* [С.М. Соловьев. «Где чернеют, словно змеи...» 1925]), а голосами и видами природы:

Услышим летом
Орган утомленного грома...
 [Ф.К. Сологуб. «Длинные твои ресницы...» 1923–1924]

Здесь не гремит густой **орган** **прибоя**...
 [Саша Черный. Два мира. 1927].

О сад ночной, таинственный **орган**..!
 [Н.А. Заболоцкий. Ночной сад. 1936]²³

В.П. Григорьев специально обращал внимание на «смелую» метафору Осипа Мандельштама *стрельчатый лес органа* (2021, с. 130), которую можно вписать в «обратную» парадигму образов, восходящую к лирике К. Случевского: *лес, как великий орган* (К.К. Случевский), *гул леса...*, *как гул органа* (И.А. Бунин), — и продолженную поэтами советской эпохи²⁴, где орган выступает не предметом, а образом сопоставления.

Подобные образные переосмысления художественного хронотопа фиксируются авторами словарей поэтической речи: *как сладостный орган* (о лесе) (Н.А. Клюев) (Иванова, Иванова 2004, с. 245–246); *как мощный орган* (о море) (С.Я. Надсон) (Там же, с. 311, 314); *Океан гремит органами* (И.А. Бунин) (Там же, с. 369–370); см. также иллюстрации к разным парадигмам в лирике XX века: «море — орган», «лес — орган» и «горы — орган» в (Павлович 2007б, с. 237, 508, 593).

Лирика XX столетия привносит новое в «органные» мотивы — олицетворение самого музыкального инструмента, изменение роли анализируемой лексемы в процессе метафоризации с А на X (если исходить из формулы «тропа-образа» А.А. Потебни):

С висячей лестницы пророков и царей
 А мне **орган** — **брат Шумана и Гейне** —
 Широко, как мир, гремит: «Ich grolle nicht...»
 [Вс. А. Рождественский. «“Ich grolle nicht...” Глубокий вздох органа...»
 1920–1929]

²³ Ср. с примерами в словаре образных парадигм Н. В. Павлович: *орган пещер* (И.А. Бунин); *...мерцает им орган / Серебристым северным сияньем* (И.Л. Сельвинский) (Павлович 2007б, с. 508, 593, 755).

²⁴ Ср. опыты Серебряного века с более поздними контекстами: *Шли сосны многотрубным и беззвучным Органом* (П.Г. Антокольский), *органы... сосен* (А.А. Вознесенский).

Конфиденциально **молчит орган**,
Укутанный в пустые меха.
[Г. Н. Оболдуев. «Солнце порхает по галерке...» 1929].

Орган, подобно человеку, страдает и мучится в должном мире:
И чуть слышен **вздых органа**
В глубине резных церквей...
[М. А. Волошин. Тангейзер. 1901]

Забыв напев псалмов и тихий **стон органа**,
Я видел только свет, святой калейдоскоп...
[В. Я. Брюсов. Париж. 1903]

...**стенает** в сонатах
Стальной **гладиатор органа**
[Б. Л. Пастернак. Весна. 1914]

XX век, эпоха воинствующего атеизма, приносит и шутивно-ироническое, стилистически сниженное употребление лексемы *орган*, немислимое для более раннего периода:

...нам **кухня** кажется **органом**...
[Н. А. Заболоцкий. Свадьба. 1928]

...(Чего не откроешь, если в пузе **орган!**)
Выкатывая на палубу белого бочку...
[В. В. Маяковский. Христофор Колумб. 1925]

Рубеж XIX и XX столетий и период Серебряного века не случайно характеризуются взлетом употребительности лексемы *орган*, что, очевидно, не может не быть связано именно в этот период с ростом интереса к органной музыке, к ее не только искусному исполнению, но и сочинению в России²⁵: «чужое» творчески преобразуется и все больше становится «своим» в сфере светской музыки и – шире – художественного творчества в целом. То, что было сказано великим русским критиком Стасовым об органе как музыкальном инструменте, вполне можно отнести к виртуозному воплощению образных его трансформаций под пером русских поэтов: «Этот инструмент есть по преимуществу выразитель глубочайших и могущественнейших стремлений человеческого духа... к колоссальному и беспредельному; у него одного существуют те потрясающие звуки, те громы, тот величественный, говорящий будто из вечности голос, которого выражение невозможно никакому другому инструменту, никакому оркестру» (Стасов 1974, с. 88).

²⁵ В 1897 году орган установили в Петербургской консерватории, а в 1901 году – в Большом зале Московской консерватории, что существенно расширило круг слушателей и любителей органной музыки. Российские композиторы А. К. Глазунов и С. И. Танеев писали произведения для органного исполнения.

6. Выводы

Таким образом, история лексемы *orgán* в русской лирике свидетельствует о синтагматическом и функционально-семантическом разнообразии поэтического словоупотребления, уходящем своими корнями в библейские, церковнославянские и древнерусские источники, а также о стремительной перцепции античной и христианской традиций.

Русская лирика на протяжении трех веков своего развития активно использует прямые словоупотребления в пейзажных контекстах. Архаизировавшиеся постепенно узуальные значения ('инструмент, орудие', 'музыкальный инструмент вообще', 'голос') не уходят из поэзии полностью еще и в XX столетии, «оживляя» внутреннюю форму экспрессемы амфиболиями, каламбуром и способствуя сохранению культурной памяти.

Метафорические модели с участием анализируемой лексемы (переносы в направлениях «орган — небесный глас», «орган — душа, сердце», «орган — поэт, поэзия, искусство», «орган — природные объекты, явления, пространства» для XX века и обратный перенос «страдающий человек — орган»), как правило, демонстрируют переосмысление топиков христианской культуры, связанных с божественной истиной, откровением, душой, творчеством, мирами горным и дольным.

В XX веке поэзия обновляет арсенал своих средств на путях персонализации образа органа, превращая его из объекта (при метафоризации) в предмет сравнения (субъект), и стилистически сниженной, шутивно-иронической его трактовки.

Изучение образной парадигматики и синтагматики лексемы *organ*, несомненно, в будущем должно обогатиться достижениями поэтических идиостилей новейшего периода.

Список источников и литературы

Афанасьева, Н. А., 2022. Традиционные поэтические образы. XVIII век: Словарь. М. [Afanas'eva, N. A., 2022. *Traditional poetic images. 18th century: Dictionary*. Moscow (in Russ.)].

Белый, А., 1994. Магия слов. В: *Символизм как миропонимание*. М., с. 131–142. [Bely, A., 1994. *The Magic of Words*. In: *Symbolism as a world-view*. Moscow, pp. 131–142 (in Russ.)].

Будкеев, С. М., 2008. Органное музицирование в России XIX столетия и его анализ в критике современников. *Мир науки, культуры, образования*, 4(11), с. 58–61. [Budkeev, S. M., 2008. Organ music-making in XIX century in Russia and its analysis in the contemporaries' criticism]. *The world of science, culture and education*, 4(11), pp. 58–61 (in Russ.) EDN: JUKRTJ.

Вейсман, Э., 1782. *Вейсманнов немецкий лексикон с латинским*. Перевод И. И. Ильинского, И. П. Сатарова и И. С. Горлицкого. 2-е изд. СПб, 1014 с. [Weissmann, E., 1782. *Weissman's German lexicon with Latin*. Translated by. I. I. Il'insky, I. P. Satarov and I. S. Gorlicky. 2nd ed. St. Petersburg, 1014 p.].

Гарин, И. И., 1994. *Пророки и поэты*. Т. 5. М., 640 с. [Garin, I. I., 1994. *Prophets and Poets*. Vol. 5. Moscow, 640 p. (in Russ.)].

Гораций Флакк, Кв., 1947. *Избранные произведения (оды, эподы, сатиры)*. М., 88 с. [Horatius Flaccus, Q., 1947. *Selected Works (odes, epodes, satires)*. Moscow, 88 pp.].

Григорьев, В. П., 2021. *Из прошлого лингвистической поэтики и интерлингвистики*. М., 192 с. [Grigor'ev, V. P., 2021. *From the past of linguistic poetics and interlinguistics*. Moscow, 192 p. (in Russ.)].

Дворецкий, И. Х., 1958. *Древнегреческо-русский словарь*. В 2 т. Т. II. М—Ω. С. И. Соболевский (ред.). М., с. 1044—1904. [Dvoretzky, I. Kh., 1958. *Ancient Greek-Russian dictionary*. In 2 volumes. Vol. II. М—Ω. S. I. Sobolevsky, ed. Moscow, pp. 1044—1904 (in Russ.)].

Дворецкий, И. Х., 1976. *Латинско-русский словарь*. 2-е изд. М., 1096 с. [Dvoretzky, I. Kh., 1976. *Latin-Russian dictionary*. 2nd ed. Moscow, 1096 p. (in Russ.)].

Золян, С. Т., 2014. *Семантика и структура поэтического текста*. 2-е изд. М., 336 с. [Zolyan, S. T., 2014. *Semantics and structure of the poetic text*. 2nd ed. Moscow, 336 p. (in Russ.)].

Иванова, Н. Н., Иванова, О. Е., 2004. *Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII — начала XX в.)*. М., 666 с. [Ivanova, N. N. and Ivanova, O. E., 2004. *Dictionary of the language of poetry (the imaginative arsenal of Russian lyrics of the late 18th — early 20th centuries)*. Moscow, 666 p. (in Russ.)].

Карамзин, Н. М., 1966. *Полное собрание стихотворений*. М.; Л., 424 с. [Karamzin, N. M., 1966. *Complete collected poems*. Moscow; Leningrad, 424 p. (in Russ.)].

Ковтун, Л. С., 1963. *Русская лексикография эпохи средневековья*. М.; Л., 445 с. [Kovtun, L. S., 1963. *Russian lexicography of the medieval period*. Moscow; Leningrad, 445 p. (in Russ.)].

Ковтун, Л. С., 1975. Словарь в сборнике старца Вассиана Кошки. В: *Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в.* Ленинград, с. 263—267. [Kovtun, L. S., 1975. A dictionary in the collection of elder Vassian Koshka. In: *Lexicography in Moscow Rus of the XVI — early XVII century*. Leningrad, pp. 263—267 (in Russ.)].

Ларин, Б. А., 1974. *Эстетика слова и язык писателя*. Ленинград, 285 с. [Larin, B. A., 1974. *Aesthetics of the word and the writer's language*. Leningrad, 285 p. (in Russ.)].

Лепнурм, Х. Л., 1999. *История органа и органной музыки*. Казань, 171 с. [Lepnurm, H., 1999. *History of the organ and organ music*. Kazan, 171 p. (in Russ.)].

Павлович, Н. В., 2007а. *Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы XVIII—XX вв.* В 2 т. Т. 1. М., 848 с. [Pavlovich, N. V., 2007. *Dictionary of poetic images based on Russian fiction of the 18th—20th century*. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow, 848 p. (in Russ.)].

Павлович, Н. В., 2007б. *Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы XVIII—XX вв.* В 2 т. Т. 2. М., 896 с. [Pavlovich, N. V., 2007. *Dictionary of poetic images based on Russian fiction of the 18th—20th century*. In 2 volumes. Vol. 2. Moscow, 896 p. (in Russ.)].

Поликарпов, Ф. П., 1704. *Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских, еллиноереческих и латинских сокровищ из различных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чин расположенное*. М., 806 с. [Polikarpov, F. P., 1704. *Three-language lexicon: Slavonic, Helleno-Greek and Latin treasures*. Moscow, 806 p.].

Потебня, А. А., 2003. Из записок по теории словесности. В: *Теоретическая поэтика*. 2-е изд. СПб; М., с. 145—342. [Potebnya, A. A., 2003. From notes on the theory of literature. In: *Theoretical poetics*. 2nd ed. St. Petersburg; Moscow, pp. 145—342 (in Russ.)].

Прокопович, Ф., 1961. *Сочинения*. И. П. Еремин (ред.). М.; Л. [Prokopovich, F., 1961. *Works*. I. P. Eremin, ed. Moscow; Leningrad (in Russ.)]

Ройзман, Л. И., 1979. *Орган в истории русской музыкальной культуры*. М., 376 с. [Roizman, L. I., 1979. *The organ in the history of Russian musical culture*. Moscow, 376 p. (in Russ.).]

Савельева, Н. В. (ред.), 2023. *Памятники лексикографии в «Цветнике» Прохора Коломятина 1668 г. Исследования и тексты*. М.; СПб., 634 с. [Saveleva, N. V., ed., 2023. *Monuments of lexicography in "Tsvetnik" of Prokhor Kolomniatin, 1668: Studies and texts*. Moscow; St. Petersburg, 634 p. (in Russ.).]

Славинецкий, Е., 1973. *Лексикон латинский*. В: *Лексикон латинский Е. Славинецкого*. *Лексикон словено-латинский Е. Славинецкого та А. Корецкого-Сатановського*. К. К. Цілуйко (ред.). Київ, 541 с. [Slavinetsky, E., 1973. *Latin lexicon*. In: *The Latin lexicon of E. Slavinetsky. Slovene-Latin lexicon of E. Slavinetsky and A. Koretsky-Satanovsky*. K. K. Tsiluiko, ed. Kyiv, 541 p. (in Ukr.).]

Словарь Академии Российской, 1789–1794. Ч. 4. От М до Р, 1272 стлб. СПб. [Dictionary of the Russian Academy, 1789–1794. Part 4. From M to R, 1272 cols. St. Petersburg (in Russ.).]

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1987. Вып. 13. М., 318 с. [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries. Issue 13. Moscow, 318 p. (in Russ.).]

Словарь русского языка XVIII века, 2007. Вып. 17. Ленинград, 253 с. [Dictionary of the Russian language of the 18th century, 2007. Issue 17. Leningrad, 253 p. (in Russ.).]

Словарь старославянского языка, 2006. В 4 т. Т. 2. К-О. СПб, 648 с. [Old Church Slavonic Dictionary, 2006. In 4 vols. Vol. 2. K-O. St. Petersburg, 648 p. (in Old Church Slavonic)].

Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской академии наук, 1847. Т. 3. СПб, 589 с. [Old Church Slavonic Dictionary, 1847. Vol. 3. St. Petersburg, 589 p. (in Russ.).]

Срезневский, И. И., 1902. *Материалы для Словаря древнерусского языка*. В 3 т. Т. 2. Л–П. 1802 стб. СПб. [Sreznevsky, I. I., 1902. *Materials for the Dictionary of Old Russian*. In 3 volumes. Vol. 2. L–P. 1802 cols. St. Petersburg (in Russ.).]

Стасов, В. В., 1974. *Статьи о музыке: в 5 вып.* Вып. 1. 1847–1859. М., 433 с. [Stasov, V. V., 1974. *Articles on music: in 5 issues*. Issue 1. 1847–1859. Moscow, 433 p. (in Russ.).]

Фасмер, М., 2004. *Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3: Муза – Сят*. Пер. с нем. О. Н. Трубачева. 4-е изд. М., 830 с. [Fasmer, M., 2004. *Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes*. Vol. 3: Muza–Syat. Translated by O. N. Trubacheva. 4th ed. Moscow, 830 p. (in Russ.).]

Цейтлин, Р. М., Вечерка, Р., Благова, Э. (ред.), 1994. *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*. М., 842 с. [Tseitlin, R. M., Vecherka, R. and Blagova, E., eds., 1994. *Old Slavonic Dictionary (from manuscripts of the 10th–11th centuries)*. Moscow, 842 p. (in Old Church Slavonic)].

Черных, П. Я., 1999. *Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. Т. 1: А–Пантомима*. М., 623 с. [Chernykh, P. Ya., 1999. *Historical-etymological dictionary of the Russian language: in 2 volumes*. Vol. 1: A–Pantomima. Moscow, 623 p. (in Russ.).]

Шкловский, В. Б., 1919. *Искусство как прием*. В: *Поэтика: Сборники по теории поэтического языка*. Т. I–II. Петроград, с. 101–114. [Shklovsky, V. B., 1919. *Art as a device*. In: *Poetics: Collections on the theory of poetic language*. Vols. I–II. Petrograd, pp. 101–114 (in Russ.).]

Юнгеров, П., 1915. *Псалтирь въ русскомъ переводѣ съ греческаго текста LXX, съ введениемъ и примѣчаниями*. Казань, 224 с. [Yungerov, P., 1915. *Psalter in Russian translation from the Greek LXX, with introduction and notes*. Kazan, 224 p. (in Old Russ.).]

La Fontaine, J. de, 1693. Les Obsèques de la Lionne. In: *Fables choisies, mises en vers*. Vol. 3. Paris, pp. 154–159. Available at: https://fr.wikisource.org/wiki/Les_Obsèques_de_la_Lionne [Accessed 09 August 2025].

Об авторе

Наталья Викторовна Патроева, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия.

ORCID ID: 0000-0003-3836-6393

SPIN-код: 5886-7841

E-mail: nvpatr@list.ru

Для цитирования:

Патроева Н. В. Семантический потенциал лексемы *орган* в русской поэзии: «свое» и «чужое» // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, №2. С. 75–95. doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-4.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ
CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

THE SEMANTIC POTENTIAL OF THE LEXEME 'ORGAN' IN RUSSIAN POETRY: ONE'S OWN AND SOMEONE ELSE'S

Natalia V. Patroeva

Petrozavodsk State University,
33 Lenin Ave, Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185910, Russia

Submitted on 10.08.2025

Accepted on 28.01.2026

doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-4

The potentially inexhaustible semantic potential of the word, reflected in the full range of its conventional meanings and individual authorial reinterpretations as manifested in literary discourse, has repeatedly attracted philological attention. One such polycode sign, distinguished by a broad semantic spectrum and complex syntagmatic behaviour, is the word 'organ'. This article analyses the literal and figurative uses, as well as the metaphorical transformations, of the lexeme 'organ' in Russian literature over approximately one and a half centuries of its development. The main material for linguapoetic analysis consists of literary contexts containing the lexeme 'organ', recorded in the National Corpus of the Russian Language and dating from the 18th century to the 20th century. The study aims to identify the main tendencies in the figurative and symbolic use of the word 'organ', as well as its individual authorial reinterpretation by poets representing successive literary movements, including the Baroque, Classicism, Sentimentalism, and Romanticism. Particular attention is paid to the process by which this long-assimilated Greek borrowing was integrated into lyric poetry and Russian culture as a whole. The analysis leads to the following conclusions. First, in the poetry of the Baroque, Classicist, and Romantic periods, the lexeme 'organ' is rarely used in its direct meaning of 'musical instrument', appearing mainly in translations and adaptations. In twentieth-century poetry, by contrast, the meaning 'wind keyboard instrument' becomes clearly dominant, including in similes, while personifying metaphorical transfers also emerge, such as 'organ-man'. Second, figurative and symbolic meanings, for example, in metaphorical

expressions such as 'organ of the soul' or 'organ of the heart', become especially productive during the Golden Age, when figurative contexts predominate and reveal the broadest syntagmatic and functional-semantic possibilities of the lexeme organ. These uses enrich its dictionary meaning through multiple semantic extensions and transform its usual valency patterns. Third, the frequency of the lexeme 'organ' in Russian poetry correlates closely with the process of assimilation of Western European organ music in Russia, which was particularly intensive during the Baroque, Romantic, and Silver Age periods. Meanings derived from the Psalms and familiar within the Orthodox tradition are adapted and become closely intertwined with 'foreign' themes within the semiosphere of Russian culture.

Keywords: dictionary meaning, sense, image, symbol, common usage, occasional semantics, individual-author valence of the word, poetic syntagmatics

The author

Prof. Natalia V. Patroeva, Head of the Department of Russian Language
Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia.

ORCID ID: 0000-0003-3836-6393

E-mail: nvpatr@list.ru

To cite this article:

Patroeva, N. V., 2026, The semantic potential of the lexeme 'organ' in Russian poetry: one's own and someone else's, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 17, no. 2, pp. 75–95. doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-4.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))